

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.53>

Митина (Петрушова) Евгения Александровна

ТРАДИЦИЯ ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ С. МОЭМА "РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ"

Статья посвящена изучению рецепции традиции Достоевского в романе Уильяма Сомерсета Моэма (William Somerset Maugham, 1874-1965) "Рождественские каникулы" ("Christmas holiday", 1939). Достоевский был для Моэма литературным ориентиром на протяжении всего творческого пути. Английский писатель оставил многочисленные эссе и очерки о Достоевском. В результате анализа романа "Рождественские каникулы" автор статьи делает вывод, что Сомерсет Моэм заимствует элементы поэтики Достоевского: мотив двойничества, мотив страдания невинных за грехи виновных, мотив искушенности русского мира, образы униженных и оскорбленных, образ подпольного человека, образ праведника, образ преступника-философа, трагическое видение мира и человека. В работе представлен комплексный анализ текста романа С. Моэма "Рождественские каникулы" в указанном аспекте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 255-258. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

21. 王贝贝, 郭小英. “身份”特征在中国现代作家自传中的应用—以郭沫若自传为例 // 中国文学研究. 2011年. 第4期. 第76-79页 (Ван Бэйбэй, Го Сяоин. Применение концепта «личность» в современной китайской литературной автобиографии – на примере автобиографии Го Можо // Исследования китайской литературы. 2011. № 4. С. 76-79).
22. 王建农, 王成军. 清代传记文学论—以顾炎武、方苞、曾国藩、沈复为个案 // 江苏教育学院学报(社会科学版). 2005. 第21卷 第2期. 第98-101页 (Ван Цзяньнун, Ван Чэньцзюнь. Биографическая литература эпохи Цин на примере работ Гу Яньву, Фан Бо, Цзэн Гофаня, Шэнь Фу // Вестник Цзянсуского образовательного колледжа. Серия «Общественные науки». 2005. № 2 (21). С. 98-101).
23. 王莹. 中国自传文学传统的形成—先秦至魏晋自传中文人的自我呈现 // 南华大学学报(社会科学版). 2015. 第16卷 第3期. 第118-124页 (Ван Ин. Складывание автобиографической традиции в китайской литературе – осознание собственного «я» на примере произведений с доциньского периода до эпох Вэй и Цзинь // Вестник Университета Наньхуа. Серия «Общественные науки». 2015. № 3 (16). С. 118-124).
24. 王余鵬. 自述与自传的年谱 // 江汉学术. 2016年. 第35卷 第4期. 第85-90页 (Ван Юйцзюань. Описание своей жизни и биографическая хроника // Наука в Цзянхане. 2016. № 4 (35). С. 85-90).
25. 谢志勇. 以“碑”传情—论唐代碑志的情感表达 // 苏州科技学院学报(社会科学版). 2012. 第29卷 第1期. 第29-33页 (Се Чжиюн. Печаль в надгробии увековечить: выражение чувств в мемориальных текстах эпохи Тан // Вестник Сучжоуского научно-технического университета. 2012. № 1 (29). С. 29-33).
26. 徐鹏绪. 中国现代文学作家自传文献 // 东方论坛. 2016. 第2期. 第36-44页 (Сюй Пэнсюй. Вклад автобиографий современных китайских писателей в китайскую литературу // Восточный форум. 2016. № 2. С. 36-44).
27. 杨子江. 从自序的缘起到自传之滥觞 // 学术研究. 2001. 第4期. 第131-134页 (Ян Цзыцзян. От возникновения само-описаний к истокам автобиографического жанра // Научные исследования. 2011. № 4. С. 131-134).
28. 张蔓莉. 汉魏六朝自传文论略 // 许昌学院学报. 2009. 第4期. 第59-61页 (Чжан Маньли. Автобиографические тексты эпох Хань, Вэй, Шести династий // Вестник Суйчанского института. 2009. № 4. С. 59-61).
29. 周剑之. 自我叙事:中国古代诗歌自传传统的形成 // 北京大学学报(哲学社会科学版). 2012. 第6期. 第113-120页 (Чжоу Цзяньчжи. Повествование о себе: складывание автобиографической традиции в древнекитайской поэзии // Вестник Пекинского университета. Серия «Философия и социальные науки». 2012. № 6. С. 113-120).

GENESIS OF THE CHINESE LITERARY AUTOBIOGRAPHY GENRE IN MODERN RESEARCHERS' WORKS

Kurako Yuliya Sergeevna

Far Eastern Federal University, Vladivostok
kurako.92@mail.ru

The article deals with the problem of the autobiography genre genesis in the Chinese literature. Basing on the detailed analysis of scientific research by the Chinese, Japanese and Western scholars, dating and systematization of early autobiographical forms are carried out. The paper gives examples of the most representative works. The author comes to the conclusion about the dual nature of the modern autobiographical genre formation in China: the continuity of the Chinese tradition itself and the borrowing of the experience of the Western biographical and autobiographical literature.

Key words and phrases: Chinese literature history; Chinese literary autobiography; genre genesis; traditional autobiographical forms; modern research.

УДК 821.111

Дата поступления рукописи: 20.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.53>

Статья посвящена изучению рецепции традиции Достоевского в романе Уильяма Сомерсета Моэма (William Somerset Maugham, 1874-1965) «Рождественские каникулы» (“Christmas holiday”, 1939). Достоевский был для Моэма литературным ориентиром на протяжении всего творческого пути. Английский писатель оставил многочисленные эссе и очерки о Достоевском. В результате анализа романа «Рождественские каникулы» автор статьи делает вывод, что Сомерсет Моэм заимствует элементы поэтики Достоевского: мотив двойничества, мотив страдания невинных за грехи виновных, мотив искушенности русского мира, образы униженных и оскорбленных, образ подпольного человека, образ праведника, образ преступника-философа, трагическое видение мира и человека. В работе представлен комплексный анализ текста романа С. Моэма «Рождественские каникулы» в указанном аспекте.

Ключевые слова и фразы: С. Моэм; Ф. Достоевский; традиция; роман «Рождественские каникулы»; диалог культур; русский мир; британский мир.

Митина (Петрушова) Евгения Александровна

Московский педагогический государственный университет
27jenni270@mail.ru

ТРАДИЦИЯ ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ С. МОЭМА «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ»

Английский писатель Уильям Сомерсет Моэм (1874-1965) на протяжении всего творчества был увлечен русской темой: его серьезно интересовали культура, язык, история, ментальность русских. Более того, Моэм

имел возможность составить не книжное представление о России – в 1917 году в качестве агента британской разведки он приезжал в Россию с секретной миссией. Однако, по признанию самого Моэма, именно русская литература стала основной побудительной причиной его заинтересованности в России: «Толстой и Тургенев, но главным образом Достоевский описывали чувства, каких не встретишь в романах писателей других стран. Величайшие романы западноевропейской литературы рядом с ними казались ненатуральными» [5, с. 187]. В русской литературе Сомерсет Моэм увидел новый художественный потенциал, составляющий преимущество перед западноевропейской литературой и имеющий мировое значение.

Достоевский был для Сомерсета Моэма предметом длительных размышлений, высокой оценки и сильнее всего повлиял на английского писателя в концепции русского человека. Сомерсет Моэм признавался, что, однажды открыв «Преступление и наказание», он перечитал все его романы – настолько Достоевский завладел его мыслями.

Моэм оставил многочисленные очерки о Достоевском в «*Записных книжках писателя*» (1949) и в книге «*Десять величайших романов человечества*» (1948). Для английского писателя Достоевский был литературным ориентиром на протяжении всего творческого пути. Моэм пылливо изучал его произведения, находя в них то, что было близко и ему самому. До настоящего времени проблема рецепции Достоевского в романе Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы» не была достаточно полно освещена в научных трудах. Отдельные аспекты этого вопроса были затронуты в работах Хелен Мачник (1969), Г. М. Фридендера (1988), Т. Л. Селитриной (2009), Р. Р. Хуснуллиной (2014), Л. П. Щенниковой (2015) [8-11; 13]. Тем не менее нельзя признать проблему диалога Достоевского и Моэма в романе «Рождественские каникулы» полностью раскрытой. Особого исследования требуют и образная система, и мотивная структура, и стилистика, и характерология.

Вместе с тем актуальность поднятой в данном исследовании проблемы трудно переоценить. На сегодняшний день проблема взаимоотношений России и Запада является одной из наиболее актуальных для отечественного и западного гуманитарного знания. Неслучайно имагология, изучающая образ страны, ее народа, особенности национального характера в иноязычной стране, иноязычной культуре, стала востребована. И в этом интересе сходятся представители разных гуманитарных областей: историки, политологи, культурологи, этнографы. Эта область гуманитарных исследований, безусловно, носит междисциплинарный характер. Однако, по словам М. И. Никола, у литературоведов есть своя специфика: «Их интересует, прежде всего, как именно литературные произведения участвовали или участвуют в формировании образа одной страны и одной культуры в глазах культуры другой» [7, с. 7]. При этом литературный контакт – это часть диалога культур, в результате которого, как писал М. М. Бахтин, чужая культура благодаря отражению в глазах другой культуры сможет раскрыть себя более полно и глубоко [1, с. 195].

Закономерно, что в своем творчестве Моэм начинает заимствовать темы, приемы и образы целого ряда произведений Достоевского. Наиболее яркое воплощение эта рецепция находит в романе Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы», который стал итоговым этапом развития русской темы в творчестве писателя. Этот роман свидетельствует о том, что Моэм находил в романах русского писателя и то, что ему было близко, и то, с чем он хотел поспорить.

Англичанин Чарли Мейсон – главный герой романа – выходец из привилегированного сословия, живущий в атмосфере сытости и комфорта, уверенности в завтрашнем дне, в свои рождественские каникулы впервые самостоятельно отправляется в Париж. В рождественскую ночь, согласно европейскому канону рождественской повести, он совершает акт добра и милосердия: встретившись с русской эмигранткой Лидией, берет ее под свою защиту и дарует ей незабываемые дни отдохновения в парижской гостинице, ничего не требуя взамен.

Вслед за Достоевским Моэм в своих персонажах выражает представление о том, что внутренний мир человека пронизан противоречиями и не поддается охвату единым взглядом. Примечательно, что для Достоевского подобное восприятие было как предчувствие: в то время традиционные анархические сообщества были сильны, в Европе же этого не было. К моменту написания романа «Рождественские каникулы» Джозеф Конрад (1857-1924), писатель, стоявший на пороге революций и войн, первый среди английских писателей сформулировал свою основную эстетическую идею о *бездне света и тьмы* в человеке: существуют «провалы тьмы в самом сердце цивилизованного мира и окультуренного человека» [цит. по: 2, с. 188]. Интерес у Моэма к этому аспекту художественного мира Достоевского рождается на почве исторического контекста – опыта Первой мировой войны, предощущения Второй мировой.

Чарли, подобно герою романа-воспитания, постепенно, испытывая потрясения от общения с Лидией и ее окружением, понимает, что в человеке перемешано темное и светлое, что видимая сущность обманчива: «Кто знает, каков человек на самом деле, какие недобрые страсти, какие преступления таятся за его заурядной внешностью?» [6, с. 68]. Англичанину неожиданно для самого себя вдруг становится тревожно за всех чужих людей, о которых он ничего не знает, но кажется, что их неведомая жизнь скрывает целый мир потаенного, страшного, необъяснимого.

Подобные чувства Чарли испытывает, узнав о безумной, всепрощающей любви Лидии к своему мужу, преступнику Роберу Берже, который был осужден за убийство и сослан во Французскую Гвиану. Проще всего сказать, что человек «ничтожество, и слава Богу, что общество от него избавилось – слишком простое, слишком огульное суждение, на нем нельзя успокоиться» [там же, с. 79].

В традиции Достоевского появляется в романе *тема униженных и оскорбленных*. В «Рождественских каникулах» Моэм показывает жизнь социальных низов, где господствуют нищета, преступления и где маленький человек, не обладая стойкостью и силой духа, обречен на физическую и нравственную гибель. Через Лидию англичанин Чарли знакомится с семьей русских эмигрантов Алексеем и Евгенией и их сыном Полем,

которые вызывают у читателя ассоциацию с семьей Мармеладовых. К ним примыкают и героиня – русская певица Маришка, и беглые каторжники, которые приносят для Лидии весточку от мужа.

Эта тема у Моэма тесно переплетается с социальной и политической проблематикой романа. Моэм описывает процесс брожения в обществе. В создании образа англичанина Саймона Фенимора в «Рождественских каникулах» очень сильно ощущается влияние романов Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы». Для Саймона Дзержинский становится духовным кумиром. С ранних лет юности всю свою жизнь он будет строить, как ему кажется, по образцу этого человека. Не вполне устроенный в жизни, Саймон сам себе пробирует дорогу, участвуя в разных политических дискуссиях, спорах, и уже в Кембридже он становится коммунистом, затем переезжает во Францию и начинает программу самоопределения, самовоспитания по образцу Дзержинского. Этот герой мечтает сыграть такую роль, которая выпала в России на долю Железного Феликса.

Саймон – персонаж, который становится гротескным подобием своего идола: этот программный герой в значительной мере руководствуется личными целями, тем самым напоминая Раскольникова, который хотел проверить себя. Англичанин стремится к власти как к инструменту, который позволит ему, как он считает, удовлетворить творческий инстинкт своей личности и проверить, чем его одарила природа.

Этот герой пока еще не получает реальной возможности реализовать свои планы, он проявляет жестокость и бездушие без всякой необходимости, прежде всего, в узком кругу людей. В отличие от образа Ф. Дзержинского с его сложностью, двойственностью, но все же с магической притягательностью, образ Саймона даже в портретных описаниях контрастирует с образом Дзержинского. В тексте подчеркивается его непривлекательность, болезненность облика, отражающего темные мысли: холодные, блестящие, подозрительные глаза ни минуты не были в покое, большой насмешливый рот, неровные зубы напоминали какого-то хищного зверька.

«Рождественские каникулы» оцениваются и как роман, написанный перед войной, который, безусловно, откликается на современность: в образе Саймона прослеживается психология человека, который вынашивает преступные помыслы и мечтает о том, чтобы они приняли исторические масштабы. В этом персонаже Моэм рисует страшные последствия действий человека, который, руководствуясь идеями революционной левизны, на самом деле наделен сильнейшим властолюбием и внутренне лжив.

Чарли в разговоре с Саймоном понимает, какую судьбу тот готовит ему, его семье, друзьям и всей Англии. Саймон Фенимор воплощает в себе традиционный для творчества Достоевского тип подпольного героя-философа, тип нигилиста. Он готовит себя для того, чтобы сыграть свою роль в Англии – свершить революцию. Между тем Чарли наивно уверен, что события, происходящие на континенте, не могут коснуться Англии, соглашаясь при этом с суждениями своего отца: «От каши, которую заварили в России, толку явно нет; в мире всегда были и всегда будут богатые и бедные; английский рабочий слишком трезво мыслит, он не позволит безответственным агитаторам себя провести, и притом ему совсем неплохо живется» [Там же, с. 237].

В создании образа Саймона Моэм использует характерный для поэтики Достоевского прием *двойничества*. Саймон в романе лишь вынашивает свои планы. Его своеобразным двойником становится муж Лидии – француз Берже. У Моэма это образ непростого преступника. Очень многое роднит Берже с Раскольниковым, Свидригайловым, Ставрогиным. Для него преступление было сродни спорту. Робер Берже – преступник иного, нежели Саймон, неполитического масштаба: он начинает с мелких краж дамских сумочек, затем «пробует себя» в угоне автомобилей и, наконец, возжелав испытать себя «в большем», решается на убийство человека. Саймону, который как журналист присутствовал на «захватывающем процессе» по делу Берже, принадлежит эссе, в котором он прослеживает, как созрела у преступника мысль о преступлении и как, совершив его, тот почувствовал, что он «не тварь дрожащая, а право имеет» [Там же, с. 125]: «Он понимал, что убийство это чудовищно, понимал, что это рискованно, но именно чудовищность манила его, а риск делал преступление привлекательным» [Там же, с. 127]. Сюжетные линии Робера Берже и Саймона тесно увязаны друг с другом. И это позволяет Моэму «представить их сошедшиеся обстоятельства как некую систему “бесовщины”» [10, с. 18]. Заметим также, что с образом Робера Берже в роман входят элементы жанра *криминального романа*, характерного для творчества Достоевского.

Образ русской героини Лидии с ее трагической судьбой – это воссозданный Моэмом вслед за Достоевским художественный *тип праведника*, воплощающего духовно-нравственное совершенство. С этой героиней входит в роман *тема страдания невинных за грехи виновных*.

В «Рождественских каникулах» Сомерсет Моэм пересматривает свои прежние взгляды на страдание как отрицание прекрасного и нравственного: подобно Достоевскому, английский писатель осмысливает страдание как очищение. Падение Лидии – это искупление греха ее мужа-преступника: русская героиня идет на страшное унижение, выбрав именно «Сераль» – публичный дом для богатых праздных развратников, где её унижение подобно «гноящейся незаживающей ране» [6, с. 107]. Как и Настасья Филипповна в романе «Идиот», Лидия радуется страданию, презрению, и её страдания соединяются со страданиями мужа и облегчают его участь. «За грех надо платить страданием, – поясняет она Чарли мотивы своего поступка. – Где Вам с вашей холодной английской натурой понять, что такое любовь, которая и есть моя жизнь? Я принадлежу Роберу, а он – мне. Если бы я не решилась разделить его страдание, я была бы так же отвратительна, как его преступление. Я знаю, чтобы искупить грех, мне также необходимо страдать, как ему» [Там же, с. 142]. Как и Настасья Филипповна, Лидия поражает непредсказуемой сменой настроения, способностью принять страдания, презрение, не утратив достоинства. Кроме того, она с радостью идет навстречу новому страданию, ведь тогда ее муки соединятся со страданиями мужа, облегчив его участь и сохранив их единство. Христианское понимание страдания как очищающей искупительной жертвы роднит Лидию с героиней романа «Преступление и наказание» Сонечкой Мармеладовой, ведь именно она говорит Раскольникову о спасительном страдании.

С Иваном Карамазовым Лидию, уставшую от вечных страданий, роднит представление о Боге: «Причем тут Бог? Вы думаете, я могу видеть, в каких мучениях живет огромное большинство людей, и верить в Бога? Вы думаете, я верю в Бога, который допустил, чтобы большевики убили моего несчастного отца? Я думаю, он умер, перестал существовать, когда сотворил наш мир» [Там же, с. 138]. Примечательная фраза нарратора, которая, очевидно, сближает бунтарское настроение русской героини с пафосом самого автора: «А может быть, эта женщина с ее трагической историей, с ее ужасающей жизнью не так уж ошибалась, когда говорила, что Господь, сотворив наш мир, умер?» [Там же, с. 142].

Художественный потенциал Достоевского нужен был Моэму для выразительного описания русской эмигрантки Лидии и в то же время противопоставления мира британского и русского, потому что всё-таки русский мир, по Моэму, – это «тьма». В финале романа англичанин под влиянием русской героини обнаруживает в себе изменения и понимает, что жить по-прежнему он больше не может: пройдя приобщение к русскому миру, Чарли вынужден заново перестраивать свое мировоззрение. «Весь его прежний мир рухнул», – пишет Моэм в заключении. *Русский мир* предстает как более *искушенный*, английский писатель подчеркивает «умудренность, сверхразвитость русской культуры и русского человека» [2, с. 312], и в этом смысле Лидия возвышается над Чарли. Очевидно, что источник этого мотива нужно искать в восприятии Моэмом романов Достоевского.

Таким образом, Сомерсет Моэм в романе «Рождественские каникулы» заимствует элементы поэтики Достоевского: мотив двойничества, мотив страдания невинных за грехи виновных, мотив искушенности русского мира, создает образы униженных и оскорбленных, образ подпольного человека, образ праведника, образ преступника-философа, трагическое видение мира и человека. Но, проецируя темы, мотивы и образы Достоевского в свой роман, Моэм остается Моэмом. Традиционно персонажи классической русской литературы (романов Достоевского) находят зло внутри себя, это борьба в сердце человеческом, которую ведет дьявол, Чарли же видит зло в других героях (русских, французах). Для него зло – это субстанция «чужая», британец наблюдает зло «со стороны». Вместе с тем понятие «порядок», о котором Чарли постоянно упоминает в романе, это не ценность русского мира. Ценность – это движение к Богу, к самопознанию, именно через понимание тьмы и света в себе, признание того и другого, и фактически это и есть православная концепция.

Не случайно именно Сомерсета Моэма Джордж Оруэлл включил в свое эссе «Во чреве Кита» (1940), которое посвятил писателям, создавшим произведения на века. Моэма он отнес к числу писателей, которых объединило трагическое видение мира, способность к предвидению, к предощущению. Обратившись к творчеству Достоевского, Моэм создал роман, в котором напомнил о хрупкости, зыбкости мира, в частности самодовольного мира англичан, которые, будучи отделены от континента, пытались не замечать всех ужасов, происходивших в Европе.

Список источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Худож. лит-ра, 1979. 412 с.
2. Королева С. Б. Миф о России в британской культуре и литературе (1790-е – 1920-е гг.). М.: Директ-Медиа, 2014. 314 с.
3. Морган Т. Сомерсет Моэм. Биография. М.: Захаров, 2002. 448 с.
4. Моэм У. С. Время и книги. М.: АСТ, 2013. 512 с.
5. Моэм У. С. Записные книжки писателя. М.: Астрель, 2010. 444 с.
6. Моэм У. С. Рождественские каникулы. Малый уголок. На китайской ширме. М.: Астрель, 2011. 672 с.
7. Никола М. И. Имагология как новая область исследований в российском литературоведении // Россия в литературе Запада: коллективная монография / отв. ред. В. П. Трыков. М.: МПГУ, 2017. С. 5-15.
8. Селитрина Т. Л. Русская тема в романе С. Моэма «Рождественские каникулы» // Селитрина Т. Л. Преемственность литературного развития и взаимодействие литератур. М.: Высшая школа, 2009. С. 90-103.
9. Фридлендер Г. М. Ф. М. Достоевский и его наследие // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти т. Л.: Наука, 1988. Т. 1. С. 5-30.
10. Хуснулина Р. Р. Переключка через столетие: Ф. М. Достоевский и С. Моэм. К 140-летию С. Моэма // Казанская наука. 2014. № 3. С. 16-21.
11. Щенникова Л. П. Ф. Достоевский и С. Моэм: константы диалога // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С. 96-103.
12. Maciver C. S. William Somerset Maugham. A study of technique and literary sources. Philadelphia: Richard West, 1936. 382 p.
13. Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation. 1881-1936. N. Y.: Octagon Books, 1969. 219 p.
14. Pfeiffer K. J. W. S. Maugham. A Candid Portrait. N. Y.: W. W. Norton and Company, Inc., 1959. 235 p.

DOSTOEVSKY'S TRADITION IN THE NOVEL "CHRISTMAS HOLIDAY" BY W. SOMERSET MAUGHAM

Mitina (Petrushova) Evgeniya Aleksandrovna
Moscow State University of Education
27jenni270@mail.ru

The article is devoted to the study of Dostoevsky's tradition reception in the novel "Christmas holiday" (1939) by William Somerset Maugham (1874-1965). For Maugham Dostoevsky was a literary guideline throughout his creative career. The English writer left numerous essays on Dostoevsky. As a result of the analysis of the novel "Christmas holiday", the author of the article concludes that W. Somerset Maugham borrows the elements of Dostoevsky's poetics: the motive of duality, the motive of the innocent's suffering for the guilty's sins, the motive of the Russian world sophistication, the images of the humiliated and offended, the image of the underground man, the image of the righteous man, the image of the criminal philosopher, the tragic vision of the world and the man. The paper presents a comprehensive analysis of the text of W. Somerset Maugham's novel "Christmas holiday" in this aspect.

Key words and phrases: W. Somerset Maugham; F. Dostoevsky; tradition; novel "Christmas holiday"; dialogue of cultures; Russian world; British world.